

А. С. Бухов

Громоотвод

Мелочи жизни. Русская сатира и юмор второй половины XIX -- начала XX в.
М., "Художественная литература", 1988. (Классики и современники, Рус. классич. лит.)
[OCR Бычков М. Н.](#)

I

Я страшно не люблю отупевших, нелюбознательных людей, для которых все, выходящее из тесного круга их профессиональных интересов, тупо, мертво и ненужно, и слушать около двух часов хорошо продуманный, небездоказательный рассказ о том, что если бы местное мясо перевезти на гамбургскую биржу, то будет известное колебание цен, я не мог.

Поэтому-то я встал и вместо задуманных двенадцати часов, которые свободно можно было растянуть до двух, ушел в восемь часов вечера, полный презрения к этому черствому, мучительно-спокойному человеку, которого слепой случай, и ничто другое, натолкнул сделаться отцом Нины.

Отправляясь к Улитиным, я обычно распределял время так:

Разговор в передней (полушепотом) с Ниной о том, как ловким движением проскользнуть из столовой в ее комнату.

Разговор за чаем с папой о поднятии нефтяной промышленности в Гренландии.

Легкое припоминание папы вчерашних биржевых цен.

Вынужденный спор о том, нужно ли уходить домой после чая сразу или оставаться.

Мамин рассказ о разбитой сегодня миске и об общем огрубении прислуги.

И все же, несмотря на такое явно несправедливое распределение моего рабочего времени у Улитиных, в рубрику пребывания с Ниной вдвоем я мог вставить свободно два или три часа, изредка прерываемых приходом дорогого папы, с рассказом о том, что узкоколейные дороги, видимо, переживают сильный кризис и что его знакомый инженер совершенно тождественного с ним мнения.

Иногда предполагаемый распорядок круто менялся, и вместо того, чтобы отпустить нас с Ниной отдышаться от очередного рассказа о неудачных операциях сибирского банка, папа садился поудобнее в кресло и читал нам вслух, сопровождая ценными и не без известной насмешливости замечаниями отчет местного общества борьбы с бугорчаткой.

Нина с трагической улыбкой кивала в такт чтецу головой и бессильно смахивала крупные набегающие слезы. Я смотрел в окно на заснувшего извозчика с таким бешеным вниманием, как будто бы и он, и его лошадь были теми только что найденными существами, с которыми я хотел навеки соединить свою одинокую полную разочарований жизнь.

Я донимал, что дальше идти было некуда. Оставалось только одно -- чтобы Нина совсем уходила из дому, заметив мое приближение, а я сам настолько увлекся бы прелестями доброго папы как рассказчика и популяризатора экономических доктрин, что тут же очертя голову сделал ему предложение.

Поэтому-то я и пошел к Лухину.

-- Видишь ли,-- задумчиво произнес Лухин,-- я, собственно, не знаю, чем я тебе здесь могу быть полезен. Если ты хочешь предложить убрать этого человека, я не согласился бы. Ты прекрасно знаешь, что моим очередным делам и литературным связям сильно помешала бы бессрочная каторга... Не меньше помешала бы и заранее обусловленная сроком, если бы я просто поджег дом Улитиных и заставил бы старика пережить настолько сильное ощущение, чтобы он или онемел, или просто настолько обгорел, что твои взаимоотношения с ним свелись бы исключительно к переговорам с бюро похоронных процессий...

-- Делай что знаешь,-- уныло простонал я,-- только помни... Пойдем со мной к Улитиным. Я хоть один вечер поговорю с Ниной, а ты в то время будешь говорить с папой... Говори о чем хочешь. Захвати сборник тригонометрических задач на конкурс, заучи наизусть несколько технических названий -- только займи ты этого зверя... Наговори обо мне кучу лестных вещей, и я тебя озолочу...